

0- 794867

На правах рукописи

ОЛЬХОВ Павел Анатольевич

**ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ
(ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ)**

Специальность 09.00.03 – история философии

Автореферат

**диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук**

Москва – 2012

Работа выполнена на кафедре философии факультета социологии,
экономики и права федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего профессионального образования
«Московский педагогический государственный университет»

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

0000807396

Научный консультант:

доктор философских наук, профессор
ЩЕДРИНА Татьяна Геннадьевна

Официальные оппоненты:

КУЗНЕЦОВА Наталия Ивановна
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры современных проблем философии философского
факультета Российского государственного гуманитарного университета

КУКАРЦЕВА Марина Алексеевна
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры политологии и политической философии
Дипломатической академии при Министерстве иностранных дел
Российской Федерации

СЕМАЕВА Ирина Ивановна
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии Московского
государственного областного университета

Ведущая организация – федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Защита состоится «26» мая 2012 г. в 15 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.154.06 при Московском педагогическом
государственном университете по адресу: 117571, г. Москва, Проспект
Вернадского, д. 88, ауд. 818.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке при Московском
педагогическом государственном университете по адресу: 119992, г. Москва,
ул. М. Пироговская, д. 1.

Автореферат разослан «16» апреля 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Кузнецова С.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. На рубеже 80-90-х годов XX века произошло обновление традиционных методологических концепций и реабилитация многочисленных эпистемологических программ, находившихся прежде на периферии внимания отечественного философского сообщества. За прошедшие двадцать лет обозначилась имманентная проблематика исторического познания, несводимого в своих основаниях ни к естествознанию, ни к канонам литературно-художественного ремесла. Гуманитарно-эпистемологическая целостность исторического познания становится актуальной проблемой современной эпистемологии и истории философии.

Современная эпистемология исторического познания не может ограничиваться признанием абстрактного достоинства исторического объяснения. Как выяснилось в ходе обширных полемик второй половины XX столетия, образ истории несводим к экспериментально верифицируемому познавательному минимуму, законам или законосообразным структурам исторических процессов. К началу XXI столетия уже мало кто готов был согласиться и с теми, кто пытался представить историческое знание как номинальную данность, не имеющую своего референта в собственно исторической действительности, – как исключительно повествовательную структуру, irrelevantную тем событиям, о которых она повествует. Кризис трансцендентальных моделей исторической репрезентации сопровождается «пафосом личной модальности» (М.А. Кукарцева). Современная западная философия исторической науки предпочитает чаще всего критический плюрализм и обратное преобразование теорий исторического знания в теории исторического опыта.

В отечественной эпистемологии исторического познания доминируют, скорее, настроения архивные: двух десятилетий оказалось отнюдь не достаточно для того, чтобы эпистемологически возобновить «архивы эпох» (Т.Г. Щедрина), в которых содержится забытый опыт исследования гуманитарной природы исторического знания, проекты истолкований истории как личностно-познавательной практики. В этих архивах прежде всего обращают на себя внимание предпосылки того большого разговора – философского общения первой половины XX столетия, – который происходил с участием М.М. Бахтина, М.И. Кагана, А.А. Мейера, В.В. Розанова, П.А. Флоренского, С.Л. Франка, Г.Г. Шпета и др., и был предметно ориентирован на исследование исторического знания в его «живой историчности», открытой научно-жизненной полноте.

Современное понимание исторического познания с необходимостью предполагает его экзистенциальное расширение. Поэтому основная проблема состоит в том, чтобы эпистемологически понять это расширение, совместить его с рациональностью истории как науки. Эпистемологическое объективирование исторического знания оказывается недоступным, многообразные стратегии объективации исторической реальности

оказываются ненадёжными, требующими прежде всего экзистенциального выбора. Недостаточным, стало быть, будет и признание историка в качестве некоего критического условия, субъекта осмысления открытого целого исторического познания.

Если говорить об истории как о предметной реальности, к которой во всяком случае имеет отношение историк до и прежде всяких концептуализаций, то это прежде всего реальность словесная, реальность осмысленно-речевых поступков, предпринятых участниками истории, воспринимаемых и преобразуемых по мере их речевого обновления. Историческое познание как «понимание прошлого в его незавершимости» (М.М. Бахтин) означает несводимость прошлого к каузальной, темпоральной или семиотической «вещественности», феноменальным объяснениям прошедшего; это такое понимание, которое является очевидно встречаемым. История – это в своем роде речь: не непрерывный речевой поток, а разговор, смысловая определенность которого проявляется на границах образующих его высказываний, всегда ответных. Исторического познания нет без документов истории, без текстов, удостоверяющих прошлое. Однако сами эти документы хранят потенциал своего нового понимания: дело не в познавательной неточности все новых познавательных исторических усилий, прошлое нельзя связать актом вещного познания; дело идет о незавершимой историчности документов – не только об активности познающего или о его «априорном воображении» (Р.Дж. Коллингвуд), но и об активности открывающегося в них.

Историк не может не принимать активного участия в некоей открытой речевой полноте историчных смыслов, определять ли их как познавательные, или художественные, доступные или не подлежащие метаисторической дескрипции. Историческое высказывание не совпадает с формами логического суждения; диалогические смысловые коллизии, которыми оно живет, имеют прежде всего мировоззренчески-стилистическую определенность, «пахнут» стилями и контекстами. Неправомерными будут и ограничения, налагаемые на историческое высказывание в порядке первоочередного признания его социально-коммуникативного статуса. Целое исторического высказывания никогда не равно себе и предстает в некотором ситуативно-смысловом отношении к речевому целому исторического знания. Историчные смысловые напряжения нельзя зафиксировать традиционными средствами лингвистической экстраполяции, представляя высказывание «само по себе», пренебрегая его речевой определенностью. Историческое высказывание нельзя представить как сложное синтаксическое целое, не теряя при этом собственно проблемы его историчности – осмысленно-речевой событийности и познавательной новизны. Даже дискурсивно-тропологический анализ высказывания не дает желаемого результата: фиксируя смысловую многозначность высказывания, тропы остаются дискурсивно имперсональными, не создают сами по себе события исторического высказывания, а только являются языковым условием его возможности, его речевым подспорьем.

В этом предельном моменте экзистенциального расширения истории как познавательной практики само историческое знание в его эпистемологическом статусе оказывается событием речевой реальности, нуждающимся в конкретнотематическом исследовании. В актуальном опыте эпистемологии исторического познания это означает необходимость историко-философского анализа. Перспективу этого историко-философского анализа мы видим в том, что историческую науку в ее экзистенциальном измерении необходимо представить через дискурс практикующих историков.

Степень разработанности проблемы. Проблема гуманитарно-смыслового единства исторического знания имманентна современным эпистемологическим и историко-философским исследованиям. Многообразие исследовательских традиций, при соотнесении которых обнаруживают себя экзистенциальные смыслы этой проблемы, является общим условием диссертационного исследования и может быть представлено следующим образом.

1. Осмыслению концептуальных проблем эпистемологии, философии и истории науки в актуальных контекстах «диалога когнитивных практик» (термин Л.А. Микешиной) посвящены работы Н.С. Автономовой, Г.А. Антипова, П.П. Гайдено, И.А. Грифцовой, Н.М. Дорошенко, В.А. Ельчанинова, П.Л. Зайцева, Г.М. Иванова, М.А. Кисселя, В.Ю. Колмакова, А.М. Коршунова, Н.И. Кузнецовой, В.А. Лекторского, Э.Н. Лооне, О.А. Лосевой, В.Т. Маклакова, Е.А. Мамчур, Л.А. Микешиной, Б.Г. Могилицкого, А.Г. Мосина, Н.В. Мотрошиловой, В.Л. Махлина, А.П. Огурцова, Т.И. Ойзермана, О.А. Останиной, А.И. Ракитова, Ю.В. Перова, В.Н. Поруса, Б.И. Пружинина, М.А. Розова, А.М. Сахарова, С.В. Синякова, В.Н. Сырова, Н.И. Смоленского, А.С. Уйбо, В.Г. Федотовой, В.Ф. Шаповалова, В.С. Шмакова, Т.Г. Щедриной и др. Результаты этих исследований позволяют эпистемологически уточнить внутренний смысл целостности истории исторического познания, реализующийся в ценностно-предпосылочных основаниях, стиле мышления или поливариантности языка различных периодов развития исторической науки.

2. Исследование и критическая рецепция эпистемологических программ исторической репрезентации в их номолого-дедуктивной, тропологической дискурсивной и нарратологической версиях предпринимались Фр.Р. Анкерсмитом, Г. фон Вригтом, К. Гемпелем, А. Данто, У. Дреем, Г.И. Зверевой, С.Г. Калашниковым, Л.Е. Кертманом, М.Ю. Кречетовой, М.А. Кукарцевой, Л. Минком, Э. Нагелем, А.А. Олейниковым, Д.А. Поповым, А.А. Порком, П. Рикёром, Х. Уайтом, А.И. Уваровым, В. Шмидом и др. Реактуализация исторического опыта как холистской альтернативы понимания гуманитарного единства исторического знания в его личной модальности и условия выхода из кризиса репрезентации, переживаемого историческими науками, предпринята и интенсивно обсуждается в работах Фр.Р. Анкерсмита, С.Бенна, П. Бёрка, Л. Госсмена, А. Данто, М. Дژهя, Э. Доманска, П.Л. Зайцева, Г.И. Зверевой, Г. Иггера, Х. Кёллнера, М.А. Кукарцевой, А. Мегилла, П. Рикёра, Й. Рюзена,

Е. Топольски, и др. В этих же работах возобновляется проблема органического единства целостного опыта историка (в связи с её постановкой Р.Дж. Коллигвудом).

3. Эпистемологическая историко-философская реконструкция российского опыта исследования гуманитарной природы исторического знания, который с наибольшей оригинальностью запечатлен в трудах М.М. Бахтина и Г.Г. Шпета, инициирована в работах В.Л. Махлина, Л.А. Микешиной, Б.И. Пружинина и Т.Г. Щедриной; проект архивной эпистемологии, интенсивно разрабатываемый применительно к историко-философским «архивам эпохи», предложен Т.Г. Щедриной. В диссертационном исследовании специальное внимание уделяется философско-историческим работам отечественных мыслителей – А.А. Григорьева, Н.Н. Страхова, Л.Н. Толстого, В.В. Розанова и др.; при этом существенными представляются рецепции экзистенциальных мотивов этих работ, предпринятые И.И. Блауберг, М.Н. Громовым, Н.П. Ильиным, В.К. Кантором, Н. Кьяромонти, М.А. Маслиным, И.И. Семаевой, И.Н. Сиземской, Н.Н. Скатовым и др.

4. Незепистемологические контексты диссертационного исследования образуют работы практикующих историков XIX-XX вв., в которых проблема гуманитарного единства исторического знания авторизуется как экзистенциально открытая, – Ф. Ариеса, Л.М. Баткина, М. Блока, А.Я. Гуревича И.Г. Дройзена, Т. Карлейля, Н.Е. Копосова, Ш. Ланглуа, Э. Леруа Ладюри, Ж. Мишле, Б.Г. Нибура, Л. фон Ранке, Ш. Сеньобоса, Л. Февра, Фюстеля де Куланжа и др.

Для проведения диссертационного исследования представляются существенными стратегии герменевтической локализации избранной проблемы по мере ситуационного или конкретно-тематического выявления основных проблемно-смысловых аспектов. Проблема гуманитарного единства исторического знания, в силу самих условий её постановки, не может решаться в рамках кумулятивного подхода, или, напротив, в рамках плюралистических исследовательских презумпций. Историчность самого исторического знания, его принципиальная эпистемологическая незавершённость требуют внимания к нему как к событию, реальность которого не исключает ни экстраполяции как формы оптимизации и конструктивизации знания и когнитивной деятельности, ни гипостазирования или реификации, возможных не только как логические ошибки, но и как базовые операции образования понятий в исторических науках. Отсюда, решение проблемы гуманитарного единства исторического знания нуждается в том, чтобы учесть возникающий по мере её решения новый диалогический план – с использованием инструментов case-studies. Исследование исторического знания в его речевой определенности не может не быть ситуативным включением в историчность этого знания, обращением к историко-философскому и историко-научному ресурсу case-studies, которые позволяют проводить анализ и диалогическую реконструкцию ценностных компонентов исторического знания «изнутри их реальной

жизненности», когда «границы между феноменом и контекстом неясны» (R.K. Yin). К работам гуманитарной традиции (историко-филологической и историко-философской), в которых этот подход сказался весьма плодотворно, относятся труды С.С. Аверинцева, А.Ф. Loseва, А.В. Михайлова и др. Практики ситуационного исследования дают себя знать в актуальных логико-эпистемологических и историко-философских исследованиях Н.З. Бросовой, И.Н. Грифцовой, И.А. Желениной, В.Л. Махлина, Е.Н. Мотовниковой, И.М. Чубарова, Т.Г. Щедриной и др.

Цель исследования состоит в историко-философской реконструкции (осуществляемой посредством case-studies) эпистемологических исследовательских программ исторического познания в европейской и русской философско-исторической мысли XIX-XXI вв.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- выявить и акцентировать экзистенциальные аспекты исторического познания (диалогизм, метафоричность, «участность», стиль исторического мышления) и актуализировать с этих позиций проблему предпосылочности его оснований;
- реконструировать философско-методологическую программу исследований предпосылочных оснований исторического знания Р.Дж. Коллингвуда, уточнить культурно-исторический статус предложенного им концепта априорного воображения;
- проанализировать опыт диалогизации исторического познания, которая осуществляется Т. Карлейлем по мере «участного» истолкования исторических событий;
- проанализировать «диалогическую формулу» К. Маркса как целостную реальность исторического речевого опыта;
- рассмотреть культурно-исторические характеристики исторического документа, определяемого в качестве основного эпистемологического условия исторического познания Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобосом;
- посредством case-studies реконструировать историко-эпистемологические концепции А.А. Григорьева и Н.Н. Стрехова;
- выявить специфику историзма М.М. Бахтина (его принципиальную диалогичность) и показать актуальность его методологической позиции в решении современных проблем эпистемологии исторического знания;
- выявить особенности стиля исторического мышления Г.Г. Шпета;
- уточнить экзистенциально-диалогические контексты методологической программы исторического познания А.С. Лаппо-Данилевского.

Теоретико-методологическая основа диссертационного исследования. Для методологии проводимого историко-философского исследования существенным становится погружение предмета исследования (эпистемологических программ исторического познания) в два контекста – современный и конкретно-исторический, поскольку именно при таком двойном методологическом повороте становятся возможными как их рациональная реконструкция, так и современное переосмысление, пересмотр основных структурных компонентов этих программ. Не менее важным методологическим компонентом данной работы является герменевтический подход, дающий возможность адекватной интерпретации исследуемых эпистемологических концепций исторического познания.

К анализу эпистемологических исследовательских программ исторического познания в европейской и русской философско-исторической мысли XIX–XXI вв. применяются культурно-исторический и лингвофилософский подходы; использованы методы герменевтической реконструкции понятийных образований, биографического анализа, проблемно-тематического анализа источников. В качестве основного метода в диссертационном исследовании приняты case-studies, позволяющие проводить нелинейный конкретно-тематический или ситуативный анализ и реконструкцию явных и неявных компонентов эпистемологических программ исторического знания «изнутри их реальной жизненности», когда «границы между феноменом и контекстом неясны» (Р. Йин).

Теоретико-методологической основой исследования послужили работы отечественных исследователей по философско-методологическим проблемам: Н.С. Автономовой, П.П. Гайденко, И.Т. Касавина, В.А. Лекторского, Л.А. Микешиной, В.Н. Поруса, Б.И. Пружинина, В.П. Филатова; по проблемам историко-философского анализа: П.П. Гайденко, А.Ф. Зотова, В.Л. Махлина, Н.В. Мотрошиловой, Т.И. Ойзермана, В.В. Сербиненко, Т.Г. Щедринной и др., а также фундаментальные теоретико-методологические концепции таких отечественных и зарубежных исследователей, как М.М. Бахтин, Л. Витгенштейн, Г.-Х. Вригт, Г.-Г. Гадамер, П. Рикер, М. Фуко, Ю. Хабермас, Г.Г. Шпет и др.

Источниковой базой диссертационного исследования являются:

- труды практикующих историков XIX–XX вв., которые исследовали проблему экзистенциально-речевого единства и открытости исторического знания по мере её практической постановки (Т. Карлейль, К. Маркс, Ш. Ланглуа, Ш. Сеньобос, Р.Дж. Коллингвуд, А.Я. Гуревич и др.);
- историко-художественные сочинения и литературно-критические труды, к числу которых относятся прежде всего работы сторонников русской «органической школы» (А.А. Григорьев, Н.Н. Страхов, Л.Н. Толстой и др.);
- философские труды и архивные документы (незавершенные труды или черновые авторские версии)

отечественных философов, плодотворная разработка которых ведётся в рамках современной архивной эпистемологии (Г.Г. Шпет, М.М. Бахтин, А.С. Лаппо-Данилевский и др.)

Научная новизна исследования. В диссертации посредством case-studies выполнена историко-философская реконструкция эпистемологических исследовательских программ исторического познания в европейской и русской философско-исторической мысли XIX–XXI вв.

При этом получены следующие результаты:

- В качестве предмета эпистемологического анализа выявлены и рассмотрены экзистенциальные аспекты исторического познания (диалогизм, метафоричность, «участность», стиль исторического мышления);

- Реконструирована философско-методологическая программа исследований предпосылочных оснований исторического знания Р.Дж. Коллингвуда, уточнен культурно-исторический статус предложенного им концепта априорного воображения;

- Проанализирован опыт диалогизации исторического познания, которая осуществляется Т.Карлейлем по мере «участного» истолкования исторических событий;

- Уточнена стратегия репрезентации исторического знания применительно к «диалогической формуле» К. Маркса, как целостной реальности речевого опыта;

- рассмотрены культурно-исторические характеристики исторического документа, определяемого Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобосом в качестве основного эпистемологического условия консолидации исторического познания;

- Посредством case-studies реконструированы историко-эпистемологические концепции А.А. Григорьева и Н.Н. Страхова, показавших принципиальную нравственную предпосылочность исторических воззрений Л.Н. Толстого;

- Выявлена специфика историзма М.М. Бахтина и показаны специфические черты его методологической позиции в контексте современных проблем эпистемологии исторического знания;

- Выявлены особенности стиля исторического мышления Г.Г. Шпета;

- уточнены экзистенциально-диалогические контексты методологической программы исторического познания А.С. Лаппо-Данилевского.

Научно-теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты вносят существенный вклад в формирование и развитие стратегий междисциплинарного взаимодействия эпистемологии и философии исторической науки и истории философии. Историко-философская реконструкция эпистемологических

исследовательских программ исторического познания в европейской и русской философско-исторической мысли XIX-XX вв., выполненная в диссертации посредством case-studies, позволяет трактовать гуманитарно-смысловое единство исторического знания по мере его герменевтической включенности в речевую реальность истории, которая определяется в своей историчности в порядке экзистенциально-событийного и диалогического раскрытия. Диссертация способствует, таким образом, формированию новых программ историко-философских исследований и соответствующих им научно-образовательных программ.

Материалы диссертационного исследования могут быть использованы при подготовке и чтении учебных курсов для студентов и аспирантов по философии, истории философии, философии социальных и гуманитарных наук, спецкурса по актуальным проблемам философии истории, а также привлекаться при подготовке курсов по теории и истории культуры, культурологии, неформальной логике, психологии и всеобщей и отечественной истории.

Основные положения, выносимые на защиту.

- Глубинная или экзистенциальная предпосланность исторического знания является его сущностной эпистемологической характеристикой и обнаруживается при исследовании его телеологических структур (Л. Витгенштейн, Г.-Х. Вригт) – в смысловой открытости исторических высказываний.

- Философско-методологическая программа Р.Дж. Коллингвуда основывается на концепте априорного воображения, с помощью которого Коллингвуд выявляет принципиальную метафоричность исторического высказывания и его несводимость к процедурам эмпирического описания.

- Научно-историческая программа Т.Карлейля направлена на решение проблемы философско-методологической идентификации познавательного опыта историка. Она фиксирует экзистенциально-гуманитарные основания исторических исследований: диалогизацию, уникальность исследовательской позиции и «участность» истолкования исторических событий.

- Эпистемологическая исследовательская программа К.Маркса базируется на стратегии репрезентации исторического знания как целостной реальности речевого опыта, которая предстает в виде антитетического способа высказывания («диалогической формулы» его стиля мышления).

- В программной эпистемологической работе (методологическом «манифесте») Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобоса исторический документ определяется в качестве основного эпистемологического условия исторического познания в его культурно-историческом статусе (как экзистенциальный предел познавательных усилий практикующего историка).

•Экзистенциальные аспекты историзма Л.Н.Толстого были впервые выявлены в эпистемологической программе А.А. Григорьева, которая базировалась на необходимости соотнесения познавательно-художественных исканий писателя с умонастроениями в послепушкинской отечественной литературе.

•Программа «органической критики» позволила Н.Н. Страхову развить традицию целостного понимания толстовских исторических сочинений («Войны и мира», прежде всего) и продемонстрировать отношение Л.Н. Толстого к истории как к искусству.

•В основании программы «органической критики» Н. Н. Страхова лежит единство ценностных ориентиров – практическое тождество свободомыслия и самоуменьения, решимость высказываться, ориентируясь на собеседника и учитывая различные стратегии самопонимания, как они предстают в трудах его современников.

•Специфика историзма М.М. Бахтина обусловлена прежде всего принципиальной ценностно-речевой трактовкой исторического познания, диалогичностью и участностью высказывания, проявляющейся в стиле мышления.

•Научность исторического исследования в эпистемологической программе Г.Г.Шпета базируется на идее положительной философской критики культурно-исторического сознания, что предполагает антистилизацию чужого стиля.

•Программа исторического познания А.С. Лаппо-Данилевского имеет энциклопедический характер и формируется в диалогически-экзистенциальном контексте исторического мышления как решение проблемы конкретной индивидуальности исследователя.

Апробация результатов научного исследования. Основные положения диссертационного исследования изложены в 41 публикации общим объемом 36,7 п.л., из них 17 статей в рекомендуемых ВАК журналах (10,3 п.л.) и две монографии (15,2 п.л.).

Апробация работы осуществлялась по мере её выполнения при чтении специальных курсов по философии науки и истории философии для студентов и аспирантов Московского педагогического государственного университета, Благовещенского государственного педагогического университета, Амурского государственного университета, Дальневосточного государственного университета путей сообщения, Белгородского государственного технологического университета, Белгородского государственного национального исследовательского университета. Основные положения и выводы исследования получили свое освещение в научных публикациях автора, а также в его выступлениях: с докладом «М.М.Бахтин и философские проблемы исторической науки» на VII Международной Бахтинской конференции (Москва, 26–30 июня 1995 г.), с докладом «К афоризмам Людвиг Витгенштейна» на методологической конференции Благовещенского государственного педагогического института

(Благовещенск, апрель 1996 г.), с докладом «Historical Studies after Bakhtin, or the Historian in Question» (Eight International Conference on Mikhail Bakhtin. University of Calgary, Canada. June 20–25, 1997), с докладом «О возможном будущем исторической науки Приамурья» на научно-практической конференции (Новиковских чтениях), посвященных 140-летию образования Амурской области и гор. Благовещенска (Благовещенск, октябрь 1997 г.), с докладом «Эпистемология истории: к дефрагментации оснований» на III Российском Философском Конгрессе (Ростов-на-Дону, 16–20 сентября 2002 г.), с докладом «Об экзистенциальном выборе исторической эпистемологии» на научно-практической конференции Московского педагогического государственного университета (Москва, апрель 2003 г.), с докладом «Здравый смысл и история» на Международной научной конференции «Н.Н. Страхов и русская культура XIX–XX вв.: к 180-летию со дня рождения» (Белгород, 28–30 октября 2008 г.), с докладом «Российское самосознание: обновление начал в социально-аксиологических практиках Н.Н. Стрхова» на 4-й Всероссийской конференции «Проблемы российского самосознания» в ИФ РАН (Москва, 27–29 мая 2009 г.), с докладом «Гуманитарный социум: стратегии возвратного понимания» на постоянно действующем семинаре ИФ РАН в Белгородском государственном университете «Современная философия в критическом диалоге с собственной традицией» (Белгород, сентябрь 2009 г.), с докладом «Толстой и история (перечитывая Н.Н. Стрхова)» на 5-й Всероссийской конференции «Проблемы российского самосознания» в ИФ РАН (Москва, 29–30 мая 2010 г.), с докладом «История и стиль: к эпистемологическим стратегиям Л.Н. Толстого» на заседании регионального круглого стола, посвященного 100-летию со дня смерти Л.Н. Толстого «Творческое наследие Л.Н. Толстого в современном гуманитарном сознании» (Белгород, 16 декабря 2010 г.), с докладом «Ностальгия и диалог: об историческом знании "после истории"» на Международной научной конференции «Культурно-исторический подход в гуманитарных науках: проблемы и перспективы» (Владивосток, октябрь 2011 г.). Концепция диссертации обсуждалась на заседаниях кафедры философии Московского педагогического государственного университета.

Структура и объем диссертации. Структура диссертации определяется замыслом и логикой исследования, подчинена последовательному решению поставленных задач. Работа состоит из введения, трех глав, одиннадцати параграфов, заключения и списка литературы, включающего 718 наименований на русском и иностранном языках. Общий объем диссертации составляет 259 страниц машинописного текста.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, анализируется степень разработанности проблемы, определяются цель и задачи диссертации, приводится характеристика теоретико-методологических оснований работы и указываются ее источники,

освещается научная новизна исследования, формулируются основные положения, выносимые на защиту, раскрывается научно-теоретическая и практическая значимость работы, приводятся данные по апробации результатов исследования.

В первой главе «Эпистемологические проблемы исторического знания» устанавливается, что историко-философская реконструкция эпистемологических исследовательских программ исторического познания в европейской и русской философско-исторической мысли XIX-XXI вв. предполагает выявление имманентной проблематики исторического познания, несводимого в своих основаниях ни к естествознанию, ни к канонам литературно-художественного ремесла. Современное понимание исторического знания с необходимостью предполагает его экзистенциальное расширение, конкретно-тематическое исследование его совместимости с рациональностью истории как науки.

В первом параграфе первой главы «Об экзистенциальном статусе исторического знания» выявляется и рассматривается экзистенциальная предпосланность исторического знания в качестве его необходимой эпистемологической характеристики.

Отмечается, что рассуждение об историческом познании вынуждено преодолевать затруднение особого рода, которое замечал в «Метафизике» ещё Аристотель: можно ли определить историю как знание, если «о текущем знания не бывает»? Текущность, на которую указывает Аристотель, связана, прежде всего, с проблемой оснований исторического познания; практически же это вопрос о познавательном предназначении истории. История никогда не могла познавательным образом восстановить, упрочить или заместить собою некое «истекшее бывшее», но всегда обновляла это бывшее, познавательным или событийным реорганизовывала его. Всякие формальные переопределения исторического познания как такового оказываются вольной или невольной онтологизацией. Преодоление текущести исторического знания связано, стало быть, с некоторым экзистенциальным изысканием его достоинства – выявлением условий его культурно-исторической идентификации.

История как научно достоверное знание оформляется в контексте новоевропейской экспериментально-детерминистской философии, но сама к той философии относится косвенно, собственно исторически, как некая вовлечённость в то, что, не являясь «своим», способствует только проявлению «своего». К истории как к некоему познавательному опыту неприменимо теоретизирующее понятие юмовской причинности; под маской детерминизма в истории скрывается и ограничивает себя телеология исторического познания, которое, по замечанию Л. Витгенштейна, таким образом оформляется как «то, что оно есть», как некоторая «научность». Анализ Л. Витгенштейна и Г.-Х. Вригта позволяет уклониться от дилеммы «объективирующего понимания» (реконструкции истории как *quidditas*) и «субъективирующего объяснения» (антиномичной реконструкции истории как некоторой каузальности); результаты этого анализа позволяют утверждать, что историческое знание является *ex post actu* – как результат

практического рассуждения о том, что уже совершено, – и таким образом приобретает аргументативную вескость.

Когда мы ставим вопрос о статусе исторического знания, мы ставим вопрос о его рациональности – согласовывая экзистенциальное вопрошание с неким иным замыслом, или установкой мыслить историю как знание. Смысловое вращение происходит с обоими вопросами уже в момент их согласования. Здесь вполне допустимо предположение о своего рода эпистемологическом мимесисе, целевая причина которого совсем не ясна, ни как «данная», ни как «заданная». Миметизм в теоретических исследованиях исторического знания последнего времени даёт себя знать через метафоры «возвратного порыва» или повтора (одна из осевых идей Ю.А. Шичалина), общую метафоризацию прежнего горизонта понятий, в котором наибольшей смысловой яркостью и вескостью отличалось всегда понятие историзма. Очерчивая область метафорического, можно сказать, что таким образом у телеологического предела теорий исторического знания происходит «оборачивание экзистенции исторического знания на самоё себя», свою трансцендентальную эстетику чистой длительности.

Граничным условием аналитической теории исторического знания является экзистенциальная вынужденность исторического письма. Но в своей познавательной текучести историческое знание обнаруживается прежде всего как речевой повтор; проблематически, дело затем должно идти о том, каким образом и для кого предвосхищается историческое познание – как свободное высказывание, в котором событийно обретается истекшее. Таким образом выявляются и акцентируются, в качестве экзистенциальных аспектов исторического познания, его диалогизм, метафоричность, стиль исторического мышления; актуализируются предпосылочные основания исторического знания в смысловой открытости исторических высказываний.

Во втором параграфе первой главы «Философско-методологические проблемы исторического знания: метафорика и предпосылочность (концепция Р.Дж. Коллингвуда)» реконструируется философско-методологическая программа исследований предпосылочных оснований исторического знания Р.Дж. Коллингвуда, уточняется культурно-исторический статус предложенного им концепта априорного воображения, при помощи которого Коллингвуд выявляет принципиальную метафоричность исторического высказывания и его несводимость к процедурам эмпирического описания.

Задаваясь вопросом о мере истинности исторического исследования, Коллингвуд устанавливает способы оптимизации того межпредпосылочного напряжения, которое возникает в ситуации встречной познавательной неполноты исторических документов. Исчерпывающая рефлексия предпосылочных оснований этой неполноты, согласно Коллингвуду, бесконечно маловероятна, исполнена различного рода метафизических рисков. При этом понятие «метафизика» у Коллингвуда трактуется контекстуально и довольно широко. Уточняя задачи метафизики, он пишет, что метафизика, во-первых, всегда является опытом мировоззренческого

самоопределения (того, что «люди данной эпохи думают об общей природе мира»); мировоззренческие представления, которые возникают таким образом, оказываются предпосылками всех «физик» (научно-познавательных детализировок мировоззренческого опыта); во-вторых, метафизическое исследование всегда ориентировано на другое мировоззрение, на «представления других народов в другие времена». Как отмечает Л.А. Микешина, Коллингвуд весьма близко подошел к решению непростой проблемы фиксации рациональными, логическими средствами предпосылочного знания как системы универсальных философско-мировоззренческих предпосылок – в то время, когда еще не шла речь о «реабилитации» в структуралистических спорах «метафизического» компонента познания.

Проблема отношения метафизики и науки, широко понимаемых, решается Коллингвудом вполне исторически. Характеризуя предпосылочную заданность исторической истины, Коллингвуд утверждает с некоторой уверенностью историка *ex professo*, что для теории исторического знания «в рамках обычного сознания» историческая истина – это мнения историка, которые согласуются с тем, что говорят ему его источники. Это положение стало одним из отправных в методологическом поиске Коллингвуда. Историк, в его рассуждении, это тот, кто привносит с собой в изучение исторических источников собственный критерий истины; при этом теоретизм методологического обращения опытного материала в некие структурированные результаты затемнен в сознании историка множеством практических размышлений над определенными документами истории. Но некоей экзистенциальной подлинностью, подлежащей открытию для историка, по мнению Коллингвуда, является «не просто событие, но мысль, им выражаемая». Историк, во всеоружии «сети априорного воображения», посредством логики вопроса и ответа должен принудить ее к проявлению в событии. Коллингвуд описывает историческое знание как встречу различных мировоззрений, единых в своем мыслительном априоризме; однако каждое из них является предельным или абсолютным особым измерением исторической мысли.

Для исторического познания это означает существенную перемену в методологических установках: усмотрение предпосылочных смыслов, которыми насыщены исторические источники, предполагает умение включаться *ad hoc* в человечески свершающуюся летопись истории. Становясь «своим» в историческом познании, историк должен уметь «разговорить» документы – максимально мобилизуясь мировоззренчески, в собственных предпосылках, не ограничивая себя единственной целью «спросить» свидетелей былого, но стараясь расспрашивать их с человеческой заинтересованностью, будучи всегда готовым к изменениям в направлении исторически воображаемой беседы или к ее прекращению.

Памятуя об историчной причастности исследователя своему предмету, нельзя забывать и о том, что существенной предпосылкой методологических абстракций исторического познания является созидательно-речевой опыт

ученого историка, что показывает в своих размышлениях Р.Дж. Коллингвуд. Будучи вовлеченным в разговор о возможности истории как документальной достоверности, Р.Дж. Коллингвуд стремится к преодолению границ между познавательной неполнотой исторических документов и рефлексивными стратегиями опознания их предпосылок. Историческое познание оказывается истинным постольку, поскольку само исторично и в своей событийной подлинности не может быть ни повторено, ни отменено.

В третьем параграфе первой главы «Диалогизация истории: к познавательным практикам Т. Карлейля» проводится анализ опыта диалогизации исторического познания, которое осуществляется Т. Карлейлем по мере «участного» истолкования исторических событий; устанавливается, что научно-историческая программа Т. Карлейля направлена на решение проблемы философско-методологической идентификации познавательного опыта историка и фиксирует экзистенциально-гуманитарные основания исторических исследований.

Рецепция исторических трудов Т. Карлейля имеет свою историю, в которой проблема методологической идентификации практик исторического познания Т. Карлейля предполагает, прежде всего, осознание меры их познавательной открытости – особой гуманитарной точности или диалогической сплочённости.

Избегая признавать себя сторонником или инициатором философских программ или особых теоретических моделей исторического познания, Т. Карлейль снискал себе множество различных репутаций. Как указывает Х. Уайт, концепция истории Карлейля отличается познавательным прагматизмом, мало податливым для исследователя: деятельное начало здесь доминирует над созерцательным; насыщенная ценностно-этическими смыслами («энергичная и напористая»), его практическая философия истории диссонирует с научно-исторической познавательной установкой, не стремится к последней исторической истине, сопротивлялась «ностальгическому нарциссизму». Ф.Р. Анкерсмит характеризует Т. Карлейля как исследователя, возникшего в процессе стремительного формирования западного нового «исторического сознания участников», с которым соперничало «немецкое историческое сознание наблюдателей или зрителей». Однако, собственно диалогическое познавательное мастерство этого философа и историка – говорить каждому о своём – остаётся мало исследованным.

Уточнение диалогического познавательного отношения Т. Карлейля к истории затруднено прежде всего тем, что оно всегда предполагало исследование исторических событий как особым образом высказываемых и истолковываемых. Познавательные действия мыслителя не ограничивались исключительно «чистыми смыслами» истории; история здесь представляла как некая живая, речевая данность, своего рода диалог целостных мировоззрений, – как открытый разговор, которые ведётся свидетелями и исследователями исторических событий во «всемирном Здесь» и в «вечном Теперь».

Речевая условность исторического познания у Т. Карлейля не имела ничего общего с концептуальным неприятием положительных познавательных идеалов, или ценностно-нормативных познавательных начал исторических исследований. Тщетными признавались только окончательные концептуализации – тех, кого стоило иронически называть «class of cause-and-effect-speculators».

Подлинные смыслы исторического познания следовало бы искать, согласно Т. Карлейлю, в мире языка – исторически действительных событиях речи. Основной же инстанцией репрезентации этих событий в исторических трудах самого Т. Карлейля, «участно» создававшего историю, становились иносказания – «изумительные абстракции», тропы, в которых собственно иносказательный момент являлся своего рода гарантией их познавательной адекватности. Этим же непосредственно обеспечивается долговременный интерес к историческим трудам необыкновенного историка: в течение уже почти двухсот лет, которые прошли со времени появления его произведений, уточняющих историческое познание по мере опознания его речевой фактичности, остаётся трудодоступен «возвышенный опыт» (Г.-Г. Гадамер), в котором запечатлелось бы карлейлевское диалогическое притязание на истину.

В четвертом параграфе первой главы «История как речевая реальность: к «диалогической формуле» К. Маркса» выявляется «диалогическая формула» К. Маркса как характеристика его стиля мышления. Эпистемологическая исследовательская программа Маркса, как показывает исследование, базируется на стратегии репрезентации исторического знания как целостной реальности речевого опыта, которая предстает в виде антитетического способа высказывания.

Интерес к исследованию исторических высказываний К. Маркса – по слову П. Рикёра, «лучших страниц» его научно-исторического наследия, – развился ещё в 70-х годах прошлого столетия. Х. Уайт в своей «Метаистории» предпринял масштабную попытку концептуализировать философскую «поэтику» философии истории Маркса, предположив тропологически-дискурсивную модель анализа его исторических высказываний – своего рода инверсию номологически-дедуктивной модели. Уайт отмечал, что достигаемая в дискурсе Маркса последовательность первоначальных характеристик и дальнейших объяснений является последовательностью модальной, а не логической; таким образом был написан логико-эпистемологический сценарий неэпистемологического по замыслу историографического опыта К. Маркса, что позволило П. Рикёру заметить о поучительной «методологической ошибке» Уайта. Примерно в эти же годы развернулись отечественные исследования речевой реальности исторических трудов Маркса, которая понималась как художественно-инструментальная, по преимуществу. Происходила некая продуктивная индоктринация Марксова «произнесённого слова» (С.С. Аверинцев): переустанавливалось стилевое соответствие между разнообразными художественными формами Марксовых высказываний и их содержательным

единством; дело шло о диалектике готового слова, беспредпосылочных речевых форм – диалектике без диалога, без внимания к историчной событийности речевого опыта мыслителя.

В подлинных репликах Маркса сразу заметна особая взаимность наглядного, естественного немецкого речевого опыта и культурно-речевой традиции, разом сохраняющей и оспаривающей всякую наглядность.

М.М. Бахтин, который был одним из наиболее внимательных исследователей речевого опыта Маркса, афористично заметил о «диалогической формуле Маркса-Энгельса», смысловой доминантой которой является историчное единство речевого мышления («Язык так же древен, как и сознание, язык как раз и есть практическое, существующее и для других людей, и лишь тем самым существующее и для меня самого действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребностей, из настоящей нужды в общении с другими людьми»). Если соблюдать речевой или собственно диалогический статус этой формулы, не раскалывая его на противоположные, хотя и связанные между собою отвлеченные смыслы, то необходимо признать, согласно Бахтину, что К. Маркс говорил, что только высказанная в слове мысль становится действительной мыслью для другого и только тем самым и для меня самого.

Согласно этой формуле, историческое знание не есть «всегда знание второго порядка», которое выступает под прикрытием языка или диалектически пользуется языком. Напротив, с некоторой речевой очевидностью это знание является практическим сознанием, реальным событием речи, в которой происходит «освобождение духа» исторической науки «от догматической скованности», совершается движение к познанию исторического мира, как минимум, равноправному с познанием природы современной наукой. К. Маркс не оставил специального исследования собственной историчности; однако, предпринимая такое исследование, с самого начала нет оснований предполагать, что эта историчность исчерпывается тропологическими стратегиями овеществления Марксова дискурса. Маркс скорее конфликтует с лингвистическим идеалом научности исторического знания, ведёт борьбу с языковым овеществлением исторического знания, решает проблему познавательной точности исторической науки, предпочитая «непрямое говорение»; слово здесь из средства изображения становится если и не предметом изложения, то, по Бахтину, условием историчного речевого «приобщения путем реального участия».

В пятом параграфе первой главы «Исторический документ и история: архивно-эпистемологический манифест Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобоса» рассмотрены культурно-исторические характеристики исторического документа, определяемого Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобосом в качестве основного эпистемологического условия консолидации исторического познания.

Исходное положение авторов познавательного манифеста историков: «История пишется по документам... Ничто не может заменить документов:

нет их, нет и истории». Между тем, никакой исторический документ не является познавательно однонаправленным, и прежде всего символизирует те трудности, с которыми приходится сталкиваться историку-исследователю. Основное свойство исторического документа в том и состоит, замечают Ланглуа и Сеньобос, что он представляет собою результат труда «без метода и без гарантий». Ш. Сеньобос утверждает, что исторический документ есть произведение вещественное, но в то же время и символическое, которое имеет цену лишь постольку, поскольку символически изображает ряд действий, пройденных умом автора. Эти действия исключительно психологические, и даже в самом благоприятном случае их исходным пунктом является наблюдение, сделанное без метода, вне всяких правил научного наблюдения. Даже наилучший документ представляет только «последнее выражение того рода интеллектуальных процессов, которые сопровождают дурно сделанное наблюдение». Таким образом составляются перечни факторов, могущих ввести автора исторического документа в заблуждение, которые предваряются ценностно-эпистемологической нормой, согласно которой практикующий историк должен заняться не критикой «автора вообще» и даже не критикой всего документа, а выявлением тех факторов, «умственных действий», благодаря которым возникает документ. Поэтому Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобос призывают к «осторожности» и «самой строгой точности», прилагают усилия для того, чтобы изложить способы, «формулы» преодоления субъективности исторического документа – все те «противоестественные движения», знание которых позволит исследователю превратить критику в «органическую привычку». Сводя все дело к документу, пытаясь обеспечить некую гармонию знания путем десубъективации его документальных свидетельств, они символически переописывают возможности историка как субъекта исторической репрезентации, – доведя до экзистенциального предела соответствие теоретико-познавательного и этико-нормативного моментов в исторических исследованиях.

Во второй главе «Историко-эпистемологические поиски А.А. Григорьева и Н.Н. Страхова (case-study)» посредством конкретно-тематического (ситуативного) исследования герменевтически локализуются и реконструируются историко-эпистемологические концепции А.А. Григорьева и Н.Н. Страхова.

В первом параграфе второй главы «Историзм Л.Н. Толстого в интерпретации А.А. Григорьева и Н.Н. Страхова» исследуются экзистенциальные аспекты историзма Л.Н. Толстого, впервые выявленные в эпистемологических программах А.А. Григорьева и Н.Н. Страхова: уточняется, что они основывались на необходимости соотношения познавательно-художественных исканий писателя с умонастроениями в послепушкинской отечественной литературе и тематизировали принципиальную нравственную предпосланность исторических воззрений Л.Н. Толстого.

Историчная мера искренности его трудов стала главным предметом исследовательского интереса, целостной, последовательно почвеннической или органической понимающей критики А.А. Григорьева. С некоторой публицистической широтой Григорьев пишет, что Толстой прежде всего «кинулся всем в глаза своим беспощаднейшим анализом душевных движений», обратил не себя внимание «неумолимою враждою ко всякой фальши, как бы она тонко развита не была и в чем бы она ни встретилась». Познавательную смелость Толстого, его эпистемологичный этицизм Григорьев квалифицирует с некоторым карлейлевским энтузиазмом (признавая труды Карлейля важнейшей предпосылкой органической критики): уже в первой программной статье «Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой» он отмечал, что Толстой «первый посмел говорить вслух, печатно о таких душевных дрязгах, о которых до него все молчали, и притом с такою наивностью, которую только высокая любовь к правде жизни и к нравственной чистоте внутреннего мира отличает от наглости». Познавательная историчность Толстого состоит, для А.А. Григорьева, в разрушительно-аналитической искренности его трудов.

Исторически оправдывая беспощадное и искреннее толстовское отрицание, А.А. Григорьев обращается к Пушкину как к историческому истоку, давшему начало русской литературе как «отрицательному процессу». Характеризуя цельность, историческую открытость и образное единство пушкинского опыта, Григорьев находит, что искреннее отрицание – один из моментов этого историчного опыта. Наиболее ясное и обнадеживающее олицетворение отрицательного начала у Пушкина, «того лица», которое переменчиво и неуклонно все еще уточняется Толстым для себя, – персонаж поздних пушкинских повестей И.П. Белкин. Белкин существует в историчном познавательном *между*: он именно временно олицетворенный «конкретный идеал» – «законный тип», реальный и в жизни, и в литературе. Белкин для Пушкина важен тем, что он находится не в истории «как таковой», но говорит из исторического зазеркалья, заметного только тем, кто знает, что легко принимать образы истории за единственную ее реальность. Не ироник, не теоретик, не скептик, Белкин в истолковании Григорьева – непосредственное, «удивительное» олицетворение здравого смысла, в котором ограничена и усмирена его беспощадность. Толстому труднее, чем Пушкину: доверие к другому лицу для Толстого – предмет аналитического внимания и литературного разбора. Искренняя сила анализа должна была помочь Толстому совершить почти невозможное: понять и принять, как бы заново обжить ту почву принципиально неодиноким историчной жизни, в которой укоренен по существу и его конкретный идеал.

Исторический стиль мышления Толстого, понятный типологически для Григорьева, экзистенциально открыт: устремлен к некоей мере, которая самим Толстым не опознана. Этико-стилистическое восприятие историзма Л.Н. Толстого, состоявшееся у А.А. Григорьева, преемственно уточнялось Н.Н. Страховым в «совместном мышлении» с самим Толстым, в переоткрываемом таким образом речевом историческом кредо писателя.

Программная установка Н.Н. Страхова исключала, как некое «идолопоклонство», «служение требованиям времени» и предполагала доверительное отношение к исследуемой гуманитарной реальности искусства и исторического познания. Если А.А. Григорьев с некоторым предварительным, учительским пафосом требовал в качестве важнейших условий для эффективной, органической критики «непоколебимой веры в искусство», «пламенной страсти», «слияние своей жизни с тою жизнью, которая разлита в них», историчных произведениях Толстого, то Страхов в уникальной «критической поэме» (как он сам называет свои критические очерки о Толстом), с самого начала систематически предполагает общие «органические» начала исторического понимания, которые плодотворно дали себя знать в трудах европейских мыслителей – Т. Карлейля, И. Тэна, Э. Ренана и др. («глубокие начала, которые завещаны нам немецким идеализмом, единственною философиею, к которой до сих пор должны прибегать все, желающие понимать историю или искусство»).

Во втором параграфе второй главы «История как искусство: «Война и мир» Л.Н. Толстого в истолковании Н.Н. Страхова» уточняется, что программа «органической критики» позволила Страхову развить традицию целостного понимания толстовских исторических сочинений («Войны и мира», прежде всего) и продемонстрировать отношение Толстого к истории как к реальности художественно-практического понимания.

В статьях о «Войне и мире» Н.Н. Страхов первым обратил внимание на особый, онтологически сложный смысловой горизонт толстовских рассуждений об истории. Признав, что у Толстого «вопрос о *свободе воли*... поставлен с замечательною глубиною, которой мы не найдём и малой доли у Бокля, или Милля, или других ныне у нас любимых философов», Страхов отклонил, и довольно насмешливо, фаталистические прочтения исторических высказываний Л.Н. Толстого. Фатализм для Толстого, в истолковании Страхова, – явление скорее стилистическое; тем самым фиксируется некое определенное познавательное настроение, которое вполне возможно в историческом исследовании, но несколько не исчерпывает его. Фатализм как стиль исторического мышления, который ценностно-нормативно ориентирован на «причины, по которым история необходимо должна совершаться так, а не иначе», вполне может быть соположен с пантеизмом, как стилем, в котором в котором нормативной ценностью является стремление объяснить, «как мир произошел от божества, держится им и зависит от него». Третьим, вполне возможным для Толстого, стилем почему бы не назвать стиль идеалистический, согласно которому исполняется желание хотите «объяснить сущность явлений, смысл, для которого вселенная составляет оболочку», и т.д. Толстой никак не стремится к такой стилистической безликости, к «общим терминам, под которые подходит всякая философия». Это удивляет новичков в философии истории, но Толстой переживает историю с некоторой неуклонной последовательностью опытного историка, для которого важны собственные смыслы исторических

событий, стилистико-смысловая индивидуальность исторических документов и личностная мера своего стилистического участия в них.

Путь понимания исторических высказываний Толстого, по которому сам Н.Н. Страхов движется с максимальной обстоятельностью – это сосредоточенное исследование их смысловых доминант, толстовских стратегий воссоздания истории. На этом пути Н.Н. Страхов расходится с П.А. Вяземским, П.В. Анненковым, К.Н. Леонтьевым, Н.С. Лесковым и другими уважаемыми современниками, полемизировавшими между собою относительно историчности толстовского мышления, но, кажется, вполне согласными в том, что собственно исторические разработки Л.Н. Толстого часто не соответствуют неким общим представлениям о научной истории. Н.Н. Страхов усматривает в этом несоответствии положительные познавательные смыслы, вполне состоявшийся опыт познавательно ответственного, целостного и конкретного, фактического исторического понимания, свойственного Л.Н. Толстому.

Толстой, решившись заняться историей не как историк, а как художник («задача историка и художника совершенно различна»), фактически, как бы поверх решительно поэтизированных им самим дисциплинарных барьеров, вполне самостоятельно вырабатывает навыки исторического понимания, предметом которого оказываются не отдельные эмпирические данности истории, не концепты, будто бы таящиеся в этих данностях, а «лица» и «события». Историчной реальностью объявляются поступки людей, с их волевой конкретностью и неформализуемостью, их речевой очевидностью, существенно предшествующей их очевидности документальной. Н.Н. Страхов замечает, что выработка и применение навыков такого исторического понимания требовали предельной искренности со стороны Л.Н. Толстого, – то, что на первых порах давало себя знать в «анализе, напряжённом до болезненности». Высказываясь, Толстой стремится к добротности своего письма – к той исконной историчности истории, тому что возникает не столько в строго предустановленных границах исторического понимания, сколько на этих границах или сквозь них. Эстетические смыслы добротности историчных высказываний об истории, «изнутри и вовне» собственного историчного опыта опознаются в конструктивно-художественной сосредоточенности Толстого; этико-философские смыслы добротности толстовского исторического письма, её морализующие начала ничуть не менее историчны.

В третьем параграфе второй главы «Герменевтический анализ полемической эпитафии Н.Н. Страхова «Вздых на гробе Карамзина» ситуативно реконструируется историко-эпистемологическая концепция Н. Н. Страхова. Обосновывается, что в основании программы «органической критики» Н.Н. Страхова лежит единство ценностных ориентиров – практическое тождество свободомыслия и самоумаления, решимость высказываться, ориентируясь на собеседника и учитывая различные стратегии самопонимания, как они предстают в трудах его современников.

Работа Н.Н. Страхова «Вздых на гробе Карамзина» является основным источником реконструкции в данном параграфе и впервые является объектом историко-философского исследования. Отмечается, что эпитафическое рассуждение Н.Н. Страхова, выполненное под публицистическим псевдонимом Н. Косицы (парафраз пушкинского псевдонима «Феофилакт Косичкин») имеет в своём основании дилемму здравого смысла и истории – то, как эта дилемма предстаёт в историке Н.М. Карамзина, и как она должна быть жизненно представлена и диалогически уточнена в ситуации смены исторических познавательных настроений (стилей исторического мышления). Безличное, далёкое от здравого смысла и опасное в своих основаниях мнимое понимание истории, по Страхову, требует герменевтического прояснения.

Н.Я. Грот описывает исследовательскую проницательность Н.Н. Страхова как этико-герменевтическую («светлый рационализм»). Большинство биографов, современников Н.Н. Страхова, тесно увязывает рационалистические установки страховской герменевтики с идеалистической перспективой, с гегелевской установкой диалектического понимания абсолютного, которую как будто воспроизводит и соблюдает Страхов. Однако текст эпитафии прямо свидетельствует только о страховской готовности герменевтически отозваться на некую диалогическую близость абсолютного, как это даёт себя знать в случае с Н.М. Карамзиным. Оппонируя А.Н. Пыпину, Страхов предпочитает описывать базовые презумпции исторического понимания Карамзина как «вековечно» близкое своё, как следование своему эпистемологическому «жгучему интересу взаимного ауканья» (современникам Н.Н. Страхова было хорошо известно как о его умении быть желанным собеседником, так и о том мастерстве смысловой отзывчивости, понимания, которое отличало его философские исследования и лучшие философские переводы, самым известным из которых остается фундаментальная «История философии» Куно Фишера, первые тома).

Соблюдение Н.Н. Страховым своего герменевтико-познавательного интереса означало избегание всякого рода «тенденциозности», абстрактно-схематических установок понимания исторических высказываний Н.Н. Карамзина и предпочтение им кенотических познавательных стратегий: умаление себя в виду Н.М. Карамзина, «лучшего себя», и в границах здравого смысла, которой содержит в себе свои гуманитарные минимумы (ответственное отношение к стилю как способу существования личности автора в тексте; этический регламент; истинностная установка).

В чистой событийности человеческой жизни для Н.Н. Страхова нет истории, но нет её и в историческом исследовании, имеющем в себе «набросок» чистой историчности. «Вздыхая на гробе Карамзина», Страхов не устаёт повторять, что «история есть дело таинственное»; но это не тайна, раскрытие которой требует научной отрешённости. Это светлое таинство, некая очевидность, недоступная только «засмысленному» уму, и вполне открытая тому, кто силится, подобно Карамзину, соблюдать фактичность

истории в единстве реального и мыслимого, в нравственно обдуманном, свободном и ясном слове как условии всегда встречного исторического понимания.

В третьей главе «Г.Г. Шпет и М.М. Бахтин: два подхода к проблеме историзма» анализируются программные установки русских мыслителей, истолковывавших основания исторической науки в связи с пониманием истории как словесной (речевой) реальности и уточняется экзистенциально-диалогический контекст крупнейшей методологической программы исторического познания А.С. Лаппо-Данилевского.

В первом параграфе третьей главы «Историзм М.М. Бахтина и современные проблемы эпистемологии исторического знания» выявляется специфика историзма М.М. Бахтина, обусловленная прежде всего принципиальной ценностно-речевой трактовкой исторического познания, диалогичностью и участием исторического высказывания, проявляющейся в стиле речевого мышления; показываются специфические черты бахтинской методологической позиции в контексте современных проблем эпистемологии исторического знания.

Историзм имплицитен рассуждениям Бахтина: его проблематичность выходит за рамки «психологического поворота» (Г.-Г. Гадамер) и предстаёт как проблема эпистемологическая. Историческая словесная реальность исключает сугубо метафорическое к себе отношение; она дедуцируется как некая познавательная реальность, которая не может быть понята в границах некоей психологической общности. В представлении М.М. Бахтина слово в своем существе, онтологически слово является «двусторонним актом» – в «в равной степени определяется как тем, *чье* оно, так и тем, для *кого* оно»; в слове «я оформляю себя с точки зрения другого», «слово – мост, перекинутый между мной и другим», «общая территория между говорящим и собеседником». Приобщение к этой реальности, сама эта реальность становится возможной в ситуации «диалога» – радикальной познавательной открытости или необобщаемой полноты познания. Реальность диалога есть реальность полноты познавательного действия, представляемого различными историческими типами диалогического отношения (платоновский диалог, диалог Иова) и к этим типам несводимой. Это реальность, строго говоря, не избираемая, а насущная: диалог даёт понять себя по мере выявления того особого напряжения, которое обнаруживается у каждого его участника как направленная, мировоззренческая, любящая, конкретная вненаходимость «меня единственного».

Исследования М.М. Бахтина, являясь диалогически дедуцированными, никогда не принимают вид эпистемологической теории, отрешённой от истории как словесной реальности исторического опыта. Бахтин нигде не говорит о вненаходимости с теоретико-исторической отчуждённостью, как о только познавательном феномене диалогического отношения; теоретическое отчуждение такого рода неприемлемо, когда речь идет о реальности, которая сама по себе чужда всякому теоретизму. Важна речевая ориентация, двоякая обращенность высказывания как диалогической данности. Высказывание –

«событие истории, хотя и бесконечно малое». Высказывание не есть особая субстанциальная данность, допустимые параметры которой следовало бы осмыслить. Сплошь индивидуальное, изолированное, законченное высказывание, «индивидуальный речевой акт» является противоречием в определении; предназначенность высказывания ничуть не отменяет его смысловой двусторонности, его «наличия между горящими».

С ценностно-речевыми началами высказывания связывается понятие речевого жанра. Жанр экспрессивно тематизирует высказывание: замысел сказать еще несказанное, опознаваемое в ситуации общения как жизненно важное, изначально окружает жанровое, из другого высказывания приходящее слово особым «стилистическим ореолом» – познавательным настроением, располагающим на экзистенциальной границе словесного и несловесного, сказанного и несказанного; познавательный смысл, в определенном жанре высказываемый, интонативно отзывчив. Жанровое становление высказывания есть раньше всего диалогически направленное, смысловое установление его интонации, выражающей ценностно-познавательную атмосферу высказывания, без которой невозможна ни его ни его цельность, ни его историческая ответственность.

Уточняя историзм М.М. Бахтина, разумеется, следует принимать во внимание и тот ностальгический фон, на котором происходит радикализация современного исторического мышления, перепроверка познавательной подлинности историзма как некоей теоретической установки, развитой в конце XVIII – начале XIX столетий и, по слову Ф.Р. Анкерсмита, «всё ещё являющейся главным источником современного исторического сознания». Историзму, как замечает Анкерсмит, мы обязаны «фрагментированием всей истории в независимые сущности или частности»; с другой стороны, именно переосмысливаемый, вновь «свежий историзм» (В.В. Библихин), уже современникам М.М. Бахтина позволял полагать возможным «праздник воскрешения» истории как некоего целостного ответно-познавательного смысла (В.А. Кожевников, с некоторой искренностью выражавший общие диалогические настроения эпохи писал В.В. Розанову об истории как «силе воскрешающей».

Во втором параграфе третьей главы «История как наука: к стилистическим исканиям Г.Г. Шпета» устанавливается, что научность исторического исследования в эпистемологической программе Шпета базируется на идее положительной философской критики культурно-исторического сознания (антистилизации чужого стиля) и приводит к пониманию истории как первичной словесно-познавательной реальности.

Всегда склонный замечать язык, относиться к нему как к «вещи среди вещей» Н.С. Автономова), Г.Г. Шпет внимателен по отношению к стилю как некоему мерному, лингворечевому условию исторических суждений. Стилистически напряжена прежде всего его фундаментальная «История как проблема логики», создававшаяся тогда, когда, по замечанию самого Шпета, повсюду царило «одно громадное НЕ, не-метафизика». В эпоху разноречивых познавательных настроений, в которых принимались «волишь»

то «грёзу», то «хмель», когда основным «модным» или единственно «серьёзным» словом в философии истории становилась «жизнь» (о жизни как «модном понятии» замечает в «Философии жизни» Г.Г. Риккерт). В состав привлекавшей внимание Шпета философско-исторической смеси, *miscellaneous*, входили рассуждения Ф. Ницше, О. Шпенглера, Л.П. Карсавина, П.А. Флоренского, В.В. Розанова, становились возможными необычайные исследования хода истории М.И. Кагана и мн. др. Сам Г.Г. Шпет остается противником всякой философской или научной односторонности в исторических исследованиях. Психологические объяснения истории для него «также *неисторичны*, как и органические», неисторичен «материализм», «научный техницизм», безотчётная герменевтика *per se* и т.д. Однако, выступая против какого-либо «монизма», Г.Г. Шпет, между тем, вырабатывает и различным образом применяет свой собственный «логический стиль», впрочем никогда упуская возможности указать на его неполноту как стиля «научника» и «рационалиста». Стиль становится для Шпета неким промежуточным условием в поисках исторически адекватной философии исторической науки, своего рода доминантой исторического мышления на руинах истории как опыта жизни и познания 10-х – начале 20-х гг. XX в., возникшего на исходе «золотого» XIX столетия исторической науки, как *ego fin de siecle*, и в самом начале «Золотого века Логики» (как называл XX в. Г.Х. Вригт).

Не отличаясь ни апофатичностью, ни целостностью, стилистика Г.Г. Шпета избегает прежде всего метатеоретической («псевдофилософской») или общей риторической слаженности. Самозабвенному риторико-теоретическому говорению, с его «мерой лживости», он предпочитает скорее содержательно-стилистический кругозор – то, что Бахтин называл «антистилизацией чужого стиля». Метафорически ответны и аллегорически насыщены исторические рассуждения Шпета о «творческой причинности», «историческом релятивизме», «историческом субъективизме» и мн.др.; стилистически «симбиотичны», парафрастичны по виду его критические отзывы и рецензии на исторические сочинения, ответна стилистика его писем и т.д. Всем своим стилистическим опытом Г.Г. Шпет, по слову А.В. Михайлова, как бы налагает «запрет на конструирование истории – всё равно, задним числом или наперед». Как замечает Т.Г. Щедрина, Шпет смещает центр внимания с проблемы исторического изыскания на историческое изложение, вскрывая проблему соотношения понимания и объяснения в истории и последующей передачи своего опыта историчности другому.

История для Г.Г.Шпета есть дело «памяти» и логического усмотрения «организации» и «понятия», некоей внутренней целесообразности исторического мышления. Но прежде всего история есть «наука, которая знает только один источник познания — *слово*». В работе «История как предмет логики» Г.Г. Шпет пишет новую апологию истории как науки, которая прежде других наук имеет дело со словесностью как первой действительностью всех наук и, в отличие от всех других наук, поэтому

имеет чисто логическую природу. «Историк — организатор наук о *слове*. «Логика, со своей стороны, знает только одно истинное *principium cognoscendi* — *слово*. Именно как такое, т. е. как *principium cognoscendi*, слово есть предмет логики, в отличие от психологии, которая его изучает как переживание, в отличие от лингвистики, которая его изучает как социальное явление, и в отличие от других наук, изучающих его со стороны эстетической, грамматической и пр». Историк — первый среди других учёных, который, «всегда живо ощущает логическую магию слов уже в процессе своего исследования и прямо на него направляет свою логическую рефлексию». И повсюду, при этом, сквозит стремление Шпета «вернуться к старым терминам: *история в широком смысле*, исторические науки, исторический метод, — не только в силу хронологического первенства этой терминологии, но и в силу принципиальных соображений, заставляющих нас именно в *истории absolute* найти самое типическое и ясное выражение особенностей конкретного познания действительности». Дело не идёт о возвращении к некоей идее истории: Шпет совмещает беспокойство об абсолютных «отправных пунктах» исторического познания с заботой о том, чтобы обращаясь, например, к Гегелю, «научиться видеть с ним вместе», добываясь тем самым особой культурно-эпистемологической точности исторического знания.

В четвертом параграфе третьей главы «Под маской энциклопедизма: конкретная индивидуальность в «Методологии истории» А.С. Лаппо-Данилевского» уточняются экзистенциально-диалогические контексты методологической программы исторического познания А.С. Лаппо-Данилевского.

Экзистенциальное начало энциклопедических исканий Лаппо-Данилевского сильнее всего дает себя знать в понятии конкретной индивидуальности. Преодолевая психологический схематизм, возможный при раскрытии этого понятия, Лаппо-Данилевский формирует его особый внутренний, гибридный смысл, ситуативно сочетающий кантовскую и гердеровскую традиции истолкования начал исторического познания: конкретная индивидуальность является здесь обезличенной речевой маской «коэкзистенциального целого» и, вместе с тем, некоторого эволюционного познавательного начала. Определяется, что «историк интересуется целостною “действительностью”, или совокупностью исторических фактов, связанных между собою, а не разрозненными и оторванными друг от друга обломками действительности». Это общее утверждение: историк-специалист, разумеется, не рассуждает о «мире как целом», а представляет себе некую часть этого мира в виде «относительного исторического целого». Между тем, «мировое целое» оказывается неким экзистенциальным условием исторического познания, только «только мировое целое, единое и единичное, представляется в полной мере действительностью, каждая из частей которой лишь искусственно может быть извлекаема из реального его единства для научного его рассмотрения». Историк, «научно строящий действительность», избирает это представление как некий момент своей

познавательной веры, должен стремиться к образованию понятия об исторической действительности как о таком целом; он изучает ее как целое в соотношении его частей и в совокупности заключающихся в нем исторических фактов». Отсюда, историк должен признать главным объектом собственно исторического познания содержание своего понятия об историческом целом; только при этом условии возможно установить историческое значение каждого отдельно взятого факта, группы, серии, народа и т.п.. Содержание исторического познания сводится таким образом к «истории человечества». Человечество оказывается той «великой индивидуальностью», реальное познавательное единство которого характеризует историк: «человечество состоит из индивидуальностей, способных сообща сознавать абсолютные ценности, что и может объединять всех»; при этом «понятие об историческом целом строится,.. преимущественно, с эволюционной точки зрения» - «оно получает... соответствующее содержание в истории человечества». Общий результат энциклопедической гибридизации А.С. Лаппо-Данилевского заключается в некоей невыполнимой норме экзистенциального восхождения к своему другому, «к тому понятию об объекте исторического познания, которое можно назвать “историей человечества”»; при этом предполагаются и подлежат дальнейшей конкретной индивидуализации понятия об историческом изменении и историческом факте, об истории народа и др. Конкретная индивидуальность, принятая Лаппо-Данилевским в качестве познавательного ориентира, оказывается тем самым словесно-смысловым образом истории, особым образом представимой идеей неделимого начала исторического знания. Будучи обоснован энциклопедически и с очевидным экзистенциальным риском, этот образ требует своего возвратно-диалогического уточнения.

В заключении подводятся итоги проведенного исследования, формулируются выводы по основным вопросам и намечаются перспективы дальнейших исследований, посвященных историко-философской проблематике эпистемологии исторического знания. Указывается, что общей задачей исследования явилось не приумножение разнообразия точек зрения на историю как познавательную реальность или оспаривание сложившегося положения дел, но возобновление бесспорного в историческом познании, возобновление первичных проблемных смыслов исторического познания в некотором диалогическом контексте. Таким образом возобновляются условия того экзистенциального выбора, который делает историк, приступая к исследованию.

Уточнение смыслов этого выбора фактически осуществляется через герменевтическую реконструкцию разговоров тех, для кого это было неотложной проблемой в истории философии исторической науки. Исходной в диссертации является реконструкция разговора Л. Витгенштейна и Г.-Х. Вригта. Затем эта тема удерживается в некотором диалого-эпистемологическом расширении, уже контекстуально, проявляясь в другой тематической связи то, как она осмысливалась или применялась

практикующими историками и методологами исторической науки. Возобновление проблемы ценностно-мировоззренческих предпосылок исторического познания следует за рассуждениями Р.Дж. Коллингвуда, трактовавшим ценностную меру истинности исторического знания, всегда неполного, как будто вторичного тому невозвратимому былому, которое является уделом историка, готового к метафизическим рискам «априорного воображения». Коллингвуд описывает историческое знание как встречу различных мировоззрений, единых в своем мыслительном априоризме; однако каждое из них является предельным или абсолютным «особым измерением исторической мысли». При этом историк вовлекается в свой познавательный удел всегда в некоторых документальных границах, критически опознавая подлинность исторических источников и только при этом условии выявляя их событийно-мыслимое существо. Как на самую яркую альтернативу познавательной позиции Р.Дж. Коллингвуда, указано на методологическую программу исторического познания Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, представивших исторический документ в качестве эмпирико-символического условия истинности исторического познания.

Общей, уникальной практической альтернативой рассуждениям о ценностных предпосылках исторического познания следует считать историографию Т. Карлейля. Историческое познание здесь предстало как некая живая речевая данность. Речевая условность исторического познания у Т. Карлейля не снимала того экзистенциального напряжения в отношении предпосылок «идеи истории», которое раз за разом возобновлялось в истории философии исторической науки; но при этом тщетными признавались им окончательные концептуализации. Уникальный карлейлевский опыт практической проблематизации истории как словесно-речевой реальности весьма предварительно представлен в теории исторического знания, и в диссертации уделяется максимальное внимание герменевтической реконструкции его конкретных установок.

Герменевтическая экспозиция истории как проблемы словесно-речевой реальности наглядно демонстрирует свою продуктивность в исследовании диалогической формулы К. Маркса. Согласно этой формуле, историческое знание не есть всегда знание второго порядка, которое выступает под прикрытием языка или диалектически пользуется языком. Напротив, это знание является практическим сознанием, реальным событием речи, в котором происходит «освобождение духа» исторической науки «от догматической скованности», совершается движение к «познанию исторического мира», как минимум, «равноправному с познанием природы современной наукой» (Х.-Г. Гадамер). Маркс, по сути, ведет борьбу с языковым овеществлением исторического знания, решая проблему познавательной точности исторической науки.

Рассуждение об истории как словесно-речевой реальности обосновывается ресурсами редко востребуемой в теории исторического знания российской художественной историографии. Историзм как устойчивое познавательное настроение дал себя знать в познавательной

стилистике художественно-исторических исканий Л.Н. Толстого: искать не начала истории, а начала исторического знания, которые не могут быть представлены в отвлеченном виде некоей правды-истины. Проблема историзма у Толстого, как показано, имеет немало позабытых смыслов, открываемых в свое время А.А. Григорьевым и Н.Н. Страховым, наиболее склонным к целостному или «органическому» пониманию толстовских трудов. А.А. Григорьев трактует «беспощадную искренность» Толстого. Н.Н. Страхов отклонил фаталистические прочтения исторических высказываний Л.Н. Толстого и первым обратил внимание на особый, онтологически сложный смысловой горизонт толстовских рассуждений об истории.

Ответный историзм Н.Н. Страхова является следствием его познавательной установки, доверительного отношения к исследуемой им гуманитарной реальности исторического познания. Большинство биографов Н.Н. Страхова тесно увязывает этико-рационалистические установки страховской герменевтики с гегелевской установкой диалектического понимания абсолютного, которую Страхов, насколько это для него возможно, воспроизводит и соблюдает. Однако труды Н.Н. Страхова свидетельствуют о страховской готовности к историческому познанию как следование своему «жгучему интересу взаимного ауканья». Соблюдение этого интереса требует избегать всякого рода «тенденциозности», абстрактно-схематических установок понимания исторических высказываний и предпочитать им кенотические познавательные стратегии, в границах, предусматриваемых здравым смыслом.

Полнота диссертационного исследования существенным образом обеспечивается исторической рефлексией его основной методологической установки, рассмотрением того, как была актуализирована гуманитарно-методологическая позиция М.М. Бахтина, диалогизирован его собственный историзм практикующими историками 80-90-х гг. XX в. Выясняется, что историзм имплицитен рассуждениям Бахтина: историческое познание может быть представлено как словесная реальность постольку, поскольку сама словесная реальность не есть что-то отдельное от истории: историзм исторического познания является прежде всего историчностью этой реальности.

Признание истории как первичной словесно-познавательной реальности беспрецедентно обширным образом осуществляется в программе исторического познания Г.Г. Шпета. Актуализируясь в обратной перспективе современных эпистемологических исследований, она, наряду с бахтинской, является крупнейшей и до сих пор крайне мало востребованной в теории исторического знания. Стиль становится для Шпета неким промежуточным условием в поисках исторически адекватной философии исторической науки, своего рода доминантой исторического мышления на руинах истории как опыта жизни и познания 10-х – начале 20-х гг. XX в. История для Г.Г. Шпета есть дело «памяти» и логического усмотрения «организации» и «понятия», некоей внутренней целесообразности исторического мышления. Но прежде

всего история есть «наука, которая знает только один источник познания — слово».

Не состоявшийся в качестве обстоятельного собеседника Г.Г. Шпета, А.С. Лаппо-Данилевский был одним из ответных адресатов шпетовских исследований. Экзистенциальное начало энциклопедических исканий Лаппо-Данилевского сильнее всего дает себя знать в понятии конкретной индивидуальности. Преодолевая психологический схематизм, возможный при раскрытии этого понятия, Лаппо-Данилевский формирует его особый внутренний, гибридный смысл, ситуативно сочетающий кантовскую и гердеровскую традиции истолкования начал исторического познания: конкретная индивидуальность является здесь обезличенной речевой маской «коэксистенциального целого» и, вместе с тем, некоторого эволюционного познавательного начала. В понятии конкретной индивидуальности опознается и методологически выражается так или иначе представимая идея неделимого начала исторического знания.

Общим результатом диссертационных конкретно-тематических исследований можно считать предметно-аналитическое выявление и рассмотрение экзистенциальных аспектов эпистемологии исторического знания, в качестве которых характеризуются диалогизм, метафоричность, «участность», стиль исторического мышления. Подтверждается, таким образом, что экзистенциальное единство исторического знания как речевой реальности проявляет себя в историчной целостности и полноте.

Основные идеи диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора (41 публикация общим объемом 36,7 п.л.):

Монографии, брошюры, разделы в учебных пособиях

1. Ольхов П. А. Диалог и История: экзистенциальные аспекты исторического мышления в XIX–XXI вв. М.: Научная книга, 2011. 232 с. 14,5 п.л. (Монография).
2. Щедрина Т.Г., Микешина Л.А.,... Ольхов П. А. и др. Густав Шпет и его философское наследие: у истоков семиотики и структурализма / Под ред. Т. Г. Щедриной. М.: РОССПЭН, 2010. 527 с. 33 п.л. (Коллективная монография. Авторский вклад: раздел V, глава Стиль как *modus vivendi* Г.Г. Шпета (некоторые наблюдения). С. 410–421). 0,7 п.л.

Статьи, опубликованные по перечню ведущих рецензируемых журналов и изданий, рекомендуемых ВАК РФ

3. Ольхов П.А. Диалогизация истории: к познавательному опыту Т. Карлейля // Преподаватель XXI век. 2011. № 4. С. 214–219. 0,3 п.л.
4. Ольхов П.А. Проблема «чужого я» в методологии истории А.С. Лаппо-Данилевского (кантианские мотивы) // Кантовский сборник. 2011. № 3. С. 59–66. 0,5 п.л.

5. Ольхов П. А. Об экзистенциальном статусе исторического знания // *Философские науки*. 2011 № 8. С. 120–128. 0,5 п.л.
6. Ольхов П.А. Диалог как путь в историю. О книге В.Л. Махлина «Второе сознание: подступы к гуманитарной эпистемологии» // *Вопросы философии*. 2011. № 8. С. 58–66. 0,8 п.л.
7. Ольхов П.А. История как речевая реальность: к «диалогической формуле» К. Маркса // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Философия, социология, право*. 2011. № 14(109). Выпуск 17. С. 29–36. 0,6 п.л.
8. Ольхов П. А. Историзм М.М. Бахтина и современные проблемы эпистемологии исторического знания // *Философия и культура*. 2011. № 7. С. 116–124. 0,7 п.л.
9. Ольхов П. А. История как наука: к стилистическим исканиям Г.Г. Шпета // *Философия и культура*. 2011. № 6. С. 132–141. 1 п.л.
10. Ольхов П.А. О стиле исторического мышления К. Маркса // *Теория и практика общественного развития (электронный журнал)* 2011. № 7. [Электронный ресурс] URL: <http://teoria-practica.ru/-7-2011/philosophy/olkhov.pdf> 0,2 п.л.
11. Ольхов П.А. Исторический документ и история: архивно-эпистемологический «манифест» Ш. Ланглюа и Ш. Сеньобоса // *Дом Бурганова. Пространство культуры*. 2011. № 3. С. 111–117. 0,6 п.л.
12. Ольхов П.А. Предназначение истории: к размышлениям Т. Карлейля // *Теория и практика общественного развития (электронный журнал)* 2011. № 6. [Электронный ресурс] URL: <http://teoria-practica.ru/-6-2011/philosophy/olkhov.pdf> 0,2 п.л.
13. Ольхов П.А. Философско-методологические проблемы исторического знания: метафорика и предпосылочность (концепция Коллингвуда) // *Теория и практика общественного развития (электронный журнал)* 2011. №3. [Электронный ресурс] URL: <http://teoria-practica.ru/-3-2011/filosofiva/olkhov.pdf> 0,7 п.л.
14. Ольхов П. А. Историзм Льва Толстого в интерпретации Аполлона Григорьева и Николая Страхова // *Культурология*. 2011. № 1. С. 218–233. 0,9 п.л.
15. Ольхов П.А. Социальная аксиология Н.Н. Страхова (опыт реконструкции) // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Философия, социология, право*. 2010. № 14(85). Выпуск 13. С. 325–330. 0,6 п.л.
16. Ольхов П.А. История как искусство: «Война и мир» Л.Н. Толстого в истолковании Н.Н. Страхова // *Дом Бурганова. Пространство культуры*. 2010. № 4. С. 181–192. 0,6 п.л.
17. Ольхов П.А. Свободный консерватор: на подступах к философии истории Н.Н. Страхова // *Философия и культура*. 2010. № 8. С. 103–109. 0,6 п.л.

18. Ольхов П.А. Русская философия: опыт архивной эпистемологии Т.Г. Щедриной // Культурология. 2010. № 1. С. 181–192. 0,6 п.л.
19. Ольхов П.А. Здравый смысл и история. Заметки к полемической эпитафии Н.Н.Страхова «Вздых на гробе Карамзина» // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 125–132. 0,9 п.л.

Статьи и тезисы

20. Ольхов П.А. Ностальгия и диалог: об историческом знании «после истории» // Культурно-исторический подход в гуманитарных науках: проблемы и перспективы. материалы международной конференции. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2011. С. 19–20. 0,2 п.л. Тезисы.
21. Ольхов П.А. История и стиль: к эпистемологическим стратегиям Л.Н. Толстого // Писатель и литературный процесс: сборник научных статей. Вып. 3. Белгород: ЛитКараван, 2011. С. 196–205. 0,5 п.л. Статья.
22. Бросова Н.З., Мотовникова Е.Н., Ольхов П.А. Философия в современной России: теоретический семинар в Белгородском государственном университете. Материалы дискуссии по книге В.Л. Махлина «Второе сознание: на подступах к гуманитарной эпистемологии» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С.Пушкина. Научный журнал. 2010. № 1. Т. 2. С. 233–244. 0,8 (0,4) п.л. Статья.
23. Ольхов П.А. Толстой и история (перечитывая Н.Н. Страхова) // Проблемы российского самосознания: философия Льва Толстого. Материалы 6-й Всероссийской научной конференции с международным участием (20–22 мая 2010 г.). Под ред. д-ра филос. н. С.А. Никольского и д-ра полит. наук И.А. Батаниной. Тула: Изд-во ТулГУ, 2010. С. 187–193. 0,5 п.л. Статья.
24. Ольхов П.А. Аксиологические презумпции социального понимания: опыт Н.Н. Страхова // Преподавание философских дисциплин в ВУЗе: опыт Дальнего Востока. Сб. статей. Уссурийск: Изд-во ДВФУ, 2011. С. 106–109. 0,5 п.л. Статья.
25. Ольхов П.А. Философия познания (герменевтический комментарий к идеям Л. А. Микешинной) // Философия познания. К юбилею Л.А. Микешинной. М.: РОССПЭН, 2010. С. 327–336. 0,5 п.л. Статья.
26. Ольхов П.А. Проблемы исторического познания в трудах Карлейля // Философские исследования. 2010. № 3–4. С. 155–164. 0,5 п.л. Статья.
27. Ольхов П.А. Российское самосознание: обновление начал в социально-аксиологических практиках Н.Н.Страхова (статья) Проблемы российского самосознания: архаическое, традиционное и инновационное начала. Всероссийская конф. (2009; Москва – Белгород). 4-я Всерос.конф. «Проблемы российского самосознания», 27–29 мая 2009 г. [Текст] / Рос.Акад.наук, Ин-т философии; Редкол.: М.Н. Громов и др. М.: ИФ РАН, 2010. С. 144–149. 0,3 п.л. Статья.
28. Ольхов П.А. Философия в средние века: под покровом христианства // Западноевропейская культура средневековья: лекции для учителей.

- Вып. 5 / Под ред. Ольхова П.А., Саяпиной Г.С., Шабановой И.Л. Благовещенск: Изд-во Благовещенского гос. пед. ун-та, 2005. С. 39–90. 3 п.л. Статья.
29. Ольхов П.А. Об экзистенциальном выборе исторической эпистемологии // Актуальные проблемы социогуманитарного знания: сб. науч. тр. каф. философии Московского пед. гос. ун-та. Вып. XVII. / Редкол. Грифцова И.Н., докт. филос.н., проф. (отв. ред), Киреев Г.Н., докт. филос.н., проф.... Ретюнских Л.Т., докт. филос.н., проф. (ред-организатор). М.: Прометей, 2003. С. 105–118. 1 п.л. Статья.
 30. Ольхов П.А. Философия преподавания философии: провинциальные резоны // Вестник Российского философского общества. 2003. № 2. С. 67–71. 0,25 п.л. Статья.
 31. Ольхов П.А. Эпистемология истории: к дефрагментации оснований // Рационализм и культура на пороге III тысячелетия: материалы III Российского Философского Конгресса (16–20 сент. 2002 г.). В 3 т. Т. I. Философия и методология науки, эпистемология, филос. онтология, логика, философия природы, философия сознания, философия техники, философия образования. Ростов-на-Дону: изд-во СКНЦ ВШ, 2002. С. 145–146. 0,2 п.л. Тезисы.
 32. Ольхов П.А. М.М. Бахтин: к философскому опыту исторической науки в России // Вестник Амурского государственного университета. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 1998. Вып. 3. С. 9–12. 0,5 п.л. Статья.
 33. Ольхов П.А. О возможном будущем исторической науки Приамурья // Тезисы докладов областной науч.-практич. конференции (Новиковских чтений), посвящ. 140-летию образования Амурской области и гор. Благовещенска / Редкол.: Сычевский Е.П., Филоненко А.И., Шаула А.А. Благовещенск: Амурский областной краеведческий музей им. Г.С. Новикова-Даурского; Амурское областное об-во краеведов, 1997. С. 30–34. 0,4 п.л. Тезисы.
 34. Olkhov P. Historical Studies after Bakhtin, or the Historian in Question // Dialogue and Culture / Eight International Conference on Mikhail Bakhtin. University of Calgary, Canada. June 20–25, 1997. Calgary: University Press, 1997. P. 98. 0,2 п.л. Тезисы.
 35. Olkhov P. Mikhail Bakhtin and the Philosophical Problems of Historical Studies in Russia // Face to Face. Bakhtin in Russia and the West / Ed. by Adlam C., Falconer R., Makhlin V., Renfrew A. Sheffield: Sheffield Academic Press, 1997. P. 93–102. 0,5 п.л. Статья.
 36. Ольхов П.А. К афоризмам Людвиг Витгенштейна (методологические заметки) // Методологические основы преподавания и воспитания: тезисы докладов методолог. конференции преп-лей ин-та / Редкол.: Вивдич Ф.М., Карацуба В.Б., Быкова Г.В. Благовещенск: Благовещенский гос. пед. ин-т, 1996. С. 80–81. 0,2 п.л. Тезисы.

37. Ольхов П.А. М.М. Бахтин и философские проблемы исторической науки // The 7th Bakhtin Conference. June 26-30, 1995. Book 1. Moscow: Moscow State Pedagogical University, 1995. P. 70–72. 0,3 п.л. Тезисы.
38. Ольхов П.А., Телюк Т.Н., Щербань О.Н. Философия, историография, филология в профессиональной подготовке учителя (активные формы) // Республ. науч. конференция «Универсализация образования: место и роль гуманитарной подготовки», 15–17 ноября 1994 г.: тезисы докладов и сообщений / Ред. кол.: Бунин В.И., Герасименко А.П. (предс.), Назарова Р.Ф. и др. Благовещенск: Благовещенский гос.политехн. ин-т, 1994. С. 37–39. 0,3 (0,25). Тезисы.
39. Ольхов П.А., Телюк Т.Н. Философия и гуманитарное образование (о перспективах интеграции) // Республ. науч. конференция «Универсализация образования: место и роль гуманитарной подготовки», 15–17 ноября 1994 г.: тезисы докладов и сообщений / Ред. кол.: Бунин В.И., Герасименко А.П. (предс.), Назарова Р.Ф. и др. Благовещенск: Благовещенский гос.политехн. ин-т, 1994. С. 26–28. 0,3 (0,25) п.л. Тезисы.
40. Ольхов П.А. О понятии соборности // Индивидуализм, коллективизм, соборность в структуре русской духовности: тезисы докладов республ. науч.-теоретич.конференции, 13–14 мая 1994 г. / Науч. ред. канд.филос.н., доц. Лифшиц Р.Л. Комсомольск-на-Амуре: Комсомольский-на-Амуре гос. пед. ин-т, 1994. С. 4–5. 0,2 п.л. Тезисы.
41. Ольхов П.А. О природе исторического знания // Философия, человек, наука: межвуз. сб. науч.тр. / Ред. кол.: Микешина Л.А. (отв.ред.), Аронов Р.А., Ерофайлов А.Н. и др. М.: Прометей, 1992. С. 70–77. 0,5 п.л. Статья.

